

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ И ИХ РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ

В последние два десятилетия в России произошло коренное изменение политической системы общества. В новых условиях, как в реальной политической действительности, так и в науке на передний план выдвинулась проблема обеспечения прав и свобод человека. Ее изучению посвящены многие диссертационные исследования и публикации, в том числе правоведческие. Тем самым сделан определенный шаг в научном осмыслении сущности данной категории и ее специфики в современной России. Но одновременно высветились и другие стороны проблемы, находившиеся ранее в тени. К их числу относится юридическая обязанность.

При всей важности провозглашенных прав и свобод человека в условиях демократического общества они не могут реализовываться в должной мере и будут оставаться лишь декларацией без обеспечения их корреспондирующими обязанностями. Это не наше открытие, а общеизвестная в теории права формула, которая гласит, что «нет прав без обязанностей». Исполнение обязанностей, по словам известного ученого-правоведа С.Н. Братуся, главное для законности и правопорядка¹.

Вместе с тем это общеизвестное и бесспорное, на наш взгляд и, думается, на взгляд многих других юристов, положение пока так и не стало руководством к активизации научных исследований сущности данной правовой категории. Остаются, например, открытыми вопросы определения юридической обязанности, ее соотношения с ответственностью и принуждением, места в структуре правоотношения, а, в конечном счете, создания адекватного ее природе механизма обеспечения законности и правопорядка. О названных проблемах и пойдет речь далее.

Основные теоретические наработки в области юридической обязанности, на которых базируется сегодняшнее представление об этой правовой категории, были сделаны в 60–80-х гг. прошлого века. Серьезное внимание в своих трудах, правда, в связи с рассмотрением в качестве непосредственного предмета исследования, как правило, других категорий (юридическая ответственность, санкции, правоотношение), ей уделяли многие известные российские ученые-правоведы. В частности, достаточно развернутую и глубокую теоретическую проработку юридической обязанности, конструктивные выводы, во многом разделяемые нами, находим в работах С.С. Алексеева, С.Н. Братуся, С.Н. Кожевникова, О.А. Красавчикова, О.Э. Лейста, Н.И. Матузова, Б.М. Семенко, Г.Я. Стоякина,

¹ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 7.

А.С. Шабурова, М.Ф. Шаргородского и ряда других ученых¹. Опираясь на содержащиеся в них положения, изложим свое понимание данного вопроса.

В настоящее время в теории права наиболее часто используется определение юридической обязанности как меры должного поведения обязанного лица. Долженствование обеспечивается принудительной силой государства. Это означает, что в случае неисполнения обязанности виновное лицо привлекается к юридической ответственности. Следовательно, юридическая обязанность, чтобы быть таковой, должна обладать рядом признаков, в том числе:

- иметь нормативно-правовое закрепление;
- носить субъективный, адресный, корреспондирующий конкретному субъективному праву характер;
- обеспечиваться адекватными, предусмотренными в законе видом, формой и мерой юридической ответственности, конкретными санкциями.

Первый признак, получивший название «нормативность», требует, чтобы юридическая обязанность была закреплена не любым правовым актом, а именно нормативным. В противном случае обязанность не становится юридической и не обретает непосредственно принудительной силы государства. Последняя может быть обеспечена только другой юридической нормой, имеющей нормативный характер.

Второй признак, который можно назвать «адресность», означает требование обеспечения юридической обязанностью каждого конкретного субъективного права. На их диалектическое единство и органическую целостность обращает внимание С.С. Алексеев и другие ученые.

Однако есть мнение, что в отличие от субъективного права, всякое из которых должно иметь соответствующую обязанность других лиц, не каждой юридической обязанности соответствует чье-нибудь субъективное право. Возможно, такое исключение из правила существует в практике законодательства и даже необходимо. Но в любом случае – это нарушение указанной выше объективной закономерности, требующее всестороннего анализа.

Третий признак, назовем его «принудительность», связан с государственным принуждением, предполагающим наличие у юридической обязанности такого ее важнейшего атрибута, как ответственность, конкретизированную определенными санкциями. В понимании названных категорий среди правоведов имеются

¹ См., напр.: Алексеев С.С. Проблемы теории права: В 2-х т. Свердловск, 1972; Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. М., 1981; Братусь С.Н. Указ. соч.; Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962; Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003; Семенко Б.М. Юридические обязанности граждан СССР: вопросы теории: Автореф... канд. дис. Саратов, 1978; Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность// Правоведение. 1968. № 1.

разночтения, высказываются различные точки зрения. Присоединиться к какой-либо из них мы не можем. Думается, что различия между ними, скорее всего, имеют не юридический, а философский смысл, и могут быть охарактеризованы категориями «общее» – государственное принуждение, «особенное» – юридическая ответственность и «частное» – санкции. На некоторых правоведческих аспектах данной проблемы остановимся далее в той мере, в какой это необходимо для характеристики юридической обязанности.

Так, принципиально важным для уяснения сущности последней является определение соотношения ее с принуждением и ответственностью. В этой связи не можем согласиться с широко распространенным мнением о том, что ответственность представляет собой самостоятельное правоотношение. Гораздо убедительнее аргументирована С.Н. Братусем, С.С. Алексеевым и рядом других ученых позиция, согласно которой ответственность – не правоотношение, а атрибут, свойство обязанности, связанное с государственным принуждением. А поскольку под ответственностью понимается реализация санкций, то, следовательно, и они также являются свойством обязанности, без которого последняя будет ушербной, не сможет в должной мере обеспечить корреспондирующее ей субъективное право и законность.

Подводя итог сказанному, казалось бы, можно было просто сослаться на формулировку С.Н. Братуся о том, что юридическая ответственность – это та же обязанность, но принудительно исполняемая. Не делаем этого только потому, что считаем ее последнюю часть, допускающую добровольное исполнение обязанности, противоречащей общей теории права.

Как известно, в отличие от всех других общественных отношений и социальных норм, норма права уже с момента появления обеспечивается принудительной силой государства, то есть является государственным принуждением по своей сути. Принуждением обеспечивается, прежде всего, исполнение обязанности, причем не только в интересах носителя субъективного права, но, как обоснованно отмечают Н.И. Матузов и Б.М. Семенко, прежде всего в интересах самого государства. Следовательно, говорить о «добровольности» ее исполнения, когда над головой занесен «карающий меч» государства в виде юридической ответственности за нарушение нормы права, думается, неуместно.

В отличие от него, государственное принуждение мы не связываем с фактическим наступлением ответственности, реализацией санкций и полагаем, что оно существует с момента принятия нормы права в обеспечение надлежащего исполнения предусмотренной ею юридической обязанности под угрозой применения санкций. Близкую к нашей точку зрения высказал О.Э. Лейст, который не сводит юридическую ответственность только к компенсационным

и карательным функциям, а признает таковой и само государственное принуждение. Такая трактовка государственного принуждения является корректной, поскольку базируется на фундаментальных положениях теории права и объективно подводит к необходимости признания атрибута ответственности за всеми без исключения юридическими обязанностями вне зависимости от того применялась она или нет. Это теоретико-правовой аспект рассматриваемой проблемы.

Другой аспект вопроса – философский. Допуская возможность «добровольного» исполнения юридических обязанностей, не связанного с государственным принуждением, С.Н. Братусь и его сторонники тем самым лишают такие обязанности главного сущностного атрибута – юридической ответственности, без которого они теряют свою качественную определенность (сущность), перестают быть «юридической обязанностью» и превращаются в некий новый элемент правоотношения. Пока последнее не доказано и обязанности остаются обязанностями, они не могут не иметь своего сущностного атрибута – ответственности в форме государственного принуждения.

Исходя из изложенного выше понимания юридической обязанности и смежных с ней категорий, представляется необходимым привести в соответствие с ним некоторые общие моменты теории правоотношений.

Как известно, в настоящее время превалирует точка зрения о двухсубъектной структуре правоотношения. Высказывалась также идея (Ю.Г. Ткаченко) односторонних (сепаратных) правоотношений. Думается, что обе эти точки зрения не имеют под собой достаточных оснований.

Во-первых, отношение – это связь. Чтобы она образовалась, необходимо как минимум две стороны и два субъекта, которых что-то связывает.

Во-вторых, помимо двух сторон, связанных взаимными субъективными правами и обязанностями, неизменным субъектом любого правоотношения выступает государство как правоустанавливающая и правообеспечивающая сторона, как принудительная сила. Такое положение не исключает возможности государства (его органов) участвовать в правоотношении в качестве обычного субъекта – носителя определенных субъективных прав и обязанностей. А поскольку правоохранительные и судебные органы – органы государства и объединены с другими его органами множеством «семейных» связей, постольку последние, выступая в качестве таковых, нередко оказываются «равнее» других субъектов правоотношения.

Принцип разделения властей, призванный «подравнять» государство, сделать его правовым, в том виде, в каком он ныне реализован в России, действительного равенства сторон не обеспечивает. Известно, что в этом есть определенная заинтересованность любого государства, которое располагает многими практическими

возможностями ее реализации. Однако не остается в стороне и теория. Объективно, независимо от намерений авторов, тому служит лишение обязанности ее сущностного атрибута, признание ответственности самостоятельным правоотношением и вывод государства как принудительной силы из числа субъектов иных правоотношений.

Признание государства в качестве правоустанавливающей и правообеспечивающей стороны любого правоотношения, что, на наш взгляд, соответствует природе права, позволяет увидеть слабые стороны действующего механизма разделения властей, о чем упоминалось выше, и обеспечить, в частности, реальную независимость судебной власти от других ее ветвей.

Таким образом, изложенные выше теоретические положения, думается, имеют большое практическое значение в деле укрепления законности и правопорядка, построения правового государства в России. А чтобы теория стала реальной силой, ею должны овладеть студенты специальности «Юриспруденция». Поэтому считаем, что изложенная позиция должна быть представлена в рабочих программах учебной дисциплины «Теория права и государства».

Ушакова М.А.

О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА»

Ведущие специалисты в сфере нормотворчества отмечают, что в законодательных актах современной России наличествует множество недостатков технического характера, и одной из причин этого является недостаточное внимание российской науки и практики к юридической технике, отсутствие преподавания соответствующей дисциплины в вузах¹. При этом высказывается немало плодотворных, на наш взгляд, идей, например, о введении в университетскую программу дисциплины «Юридическая техника»². (предлагаются различные модификации названия курса). Но вот о том, каким должно быть содержание данной дисциплины, что должно быть включено в ее изучение, единого мнения нет. В первую очередь это, безусловно, связано с отсутствием четких границ самого понятия «юридическая техника». Несмотря на почти столетнее изучение вопросов правотворчества, отдельные его аспекты до сих пор недостаточно исследованы. Прежде всего, это касается проблемы соотношения понятий «законодательная техника» и «юридическая техника». Определяющее значение при решении этого вопроса, на наш взгляд, имеет понимание категории «законодательство».

Можно выделить несколько различных трактовок категории «законодательство». Согласно широкому пониманию законодательство

¹ См.: Керимов Д.А. Законодательная техника: Науч.-метод. и учеб. пособие. М., 2000. С. 3.

² См.: Петровский С.В. Юридическая техника – фундамент правового образования// Юридическое образование и наука. 2005. №2. С. 22- 24.